

ДИАЛОГ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ С ОБЩЕСТВОМ И ВЛАСТЬЮ (опыт прошлого, перспективы будущего)

М.К. ГОРШКОВ

Общественное значение и престиж социологии – науки, подходящей к изучению общества как единого социального организма, формирующегося во взаимодействии объективных и субъективных факторов исторического развития и функционирования – резко возрастают в XX веке в связи с усилившимися после Второй мировой войны процессами активной демократизации западных социумов, очевидными тенденциями увеличения значимости социальных факторов и социальной сферы общественной жизни.

Известно, что процветание современных динамичных сообществ зависит от обеспечиваемой полнотой общественной информации их прозрачности для самих себя, равно как и от эффективности социального управления, невозможной без знания реального положения дел в обществе и понимания происходящих в нем процессов. Не менее важно для современных массовых социумов и наличие развитого критического мышления, способного разоблачать опасные социальные мифы, позволяющего за неадекватной интерпретацией событий и явлений видеть их действительную, фактическую суть, распознавать реальную динамику, вытесняя разного рода эмоциональные представления и верования интеллектуально обоснованными суждениями и выводами. Поэтому неудивительна все возрастающая потребность современного мира в социологическом знании и в вырабатываемых социологией подходах к анализу социальной реальности, противостоящих как грубым идеологическим построениям, так и утопическим фантазиям.

С момента своего возникновения социология реализует многообразные функции, в которых, так или иначе, проявляются ее предназначение и роль. Не ограничиваясь решением *теоретико-познавательных задач*, позволяющих расширять и конкретизировать знание об обществе, его структуре, закономерностях, основных направлениях и тенденциях, путях, формах и механизмах функционирования и развития, социологическая наука вырабатывает практические предложения и рекомендации, направленные на совершенствование социальной жизни, повышение эффективности управления социальными процессами.

Иными словами, в специфических условиях современности на первый план все чаще выходят *практически-преобразовательная* и *мировоззренческо-идеологическая функции* социологии, не только описывающей проявления социальной жизни в различных сферах и на разных уровнях, но и дающей им оценку с позиций гуманизма и общечеловеческих ценностей. Таким образом, социологическая теория превращается в необходимую предпосылку и условие рационализации и оптимизации социальной жизни.

Тот факт, что социология занимается не только теоретическими и фундаментальными, но и эмпирическими, и прикладными исследованиями, указывает на наличие тесной взаимосвязи и взаимодействия социологической теории и социальной политики и практики. Большое значение приобретают в связи с этим *социальное предвидение, планирование и прогнозирование* как конкретные формы реализации социологической наукой ее *практически-политической функции*. Расширение и углубление практик использования результатов социологических исследований при выработке основ сильной, действенной социальной политики и создании моделей управления общественными процессами — одна из актуальнейших задач современного этапа развития государства и общества.

Вот почему мы считаем возможным утверждать: в контексте сегодняшнего дня социолог превращается в *эксперта*, участвующего своим советом в принятии решений, важных для жизни общества, в определенной мере наследует миссию философов, поэтов и политических мыслителей прошлого, нередко стремившихся (подобно Платону в Сиракузах или Макиавелли во Флоренции) играть роль «советника государя».

В то же время социологическое знание таит в себе определенные опасности. Да и сама социологическая экспертиза является сегодня мощным оружием, которое, оказавшись в тех или иных руках, может быть направлено в любую сторону и использовано для совершенно разных целей. С его помощью можно выигрывать или проигрывать выборы, поддерживать или, наоборот, подавлять свободу, предсказывать успех или неуспех реформ, манипулировать общественным мнением или, наоборот, разоблачать и пресекать такие манипуляции.

Специфика социологии заключается в том, что от стратегии исследователя во многом зависят выбираемые им объекты и предметы анализа, задействованные методики. Можно найти среди них те, которые действительно помогают «определять» и «понимать»

социальный мир с целью его дальнейшего научного познания. Можно и наоборот, подобрать технологии, позволяющие манипулировать общественным сознанием, ставящие социологию на службу «управления существующим порядком». И речь здесь идет уже не о социологии, а о своеобразной «социальной инженерии», пытающейся – посредством рационализации практических «полузнаний» – оправдать или поддержать действия властей.

Изучая сложнейшие явления социальной жизни, социолог продуцирует средства влияния на общественное мнение, инструменты формирования социальных позиций, установок, оценок. И здесь, естественно, возникает вопрос: кем и в чьих (каких) интересах используются эти ресурсы? Полагаю, в данном контексте уместно будет вспомнить рассуждения К. Поппера, явившего миру блистательный образец социологической ответственности и гражданственности: «Не позволяй, чтобы твои мечты о прекрасном мире уводили тебя от требований людей, страдающих сегодня рядом с тобой. Ни одно поколение не может быть принесено в жертву для блага будущих поколений, во имя идеала счастья, может быть, вовсе не реализуемого...».

Особую актуальность сказанное приобретает в условиях современной России – объекта социологического интереса, особенности которого существенно затрудняют анализ, оценку и прогноз происходивших и происходящих в нем перемен. Среди прочих факторов, обуславливающих подобную ситуацию, назовем:

глубокие изменения в политической жизни страны, масштабность которых не отменяет, однако, того факта, что посткоммунистическая Россия до сих пор олицетворяет собой общество «переходного типа», перспективы эволюции которого в направлении демократии представляются весьма неопределенными (так, по данным исследований Института социологии РАН, 43% респондентов уверены, что современная Россия так же далека от демократии, как и во времена Советского Союза);

неудовлетворенность большинства (72%) россиян работой демократии, порождаемая несоответствием национального варианта последней представлениям российских граждан об оптимальной модели демократического общественного устройства;

парадоксальную, на первый взгляд, ситуацию, суть которой состоит в том, что институты, призванные «играть на стороне» общества, выражать и представлять его интересы (политические партии, судебная система, милиция, профсоюзы, Государственная Дума и Совет Федерации, пресса, социальные службы), *пользуют-*

ся меньшей, чем властные (включая силовые) органы, поддержкой населения;

периферийное положение прав человека и гражданина, занимаемое ими в массовом сознании и общественных практиках, равно как и в практической деятельности власти;

размывание нормативно-ценностного комплекса социального доверия как важнейшего фактора, определяющего характер не только межличностных, но и всех социальных отношений в целом, поддерживающего устойчивость и интегрированность общества;

наконец, *необходимость формирования в России гражданского общества и совершенствования практик его становления*. Ассоциируемые с этим шаги признаются сегодня одними из главных, но, вместе с тем, и крайне сложных социальных задач, без решения которых невозможны, однако, ни эффективное развитие национальной экономики, ни утверждение правового государства, ни системная модернизация социума, способная, согласно распространенным представлениям, спасти страну, вывести ее к новым историческим рубежам и горизонтам развития.

Очевидно, что сама общественная жизнь, трансформация социума, становящегося одновременно и менее, и более гомогенным, ставят перед социологией новые социальные проблемы и задачи. Иногда одно только сосредоточение внимания социологов на исследовании определенных явлений и процессов заставляет социум обратиться к ним лицом, начать их практическое решение. Так, установленный социологами в первую чеченскую кампанию факт негативного отношения подавляющего большинства российского населения к войне в Чечне сыграл не последнюю роль в переходе к переговорному процессу и прекращению военных действий.

Иными словами, в современном мире социология становится самосознанием сообществ, своего рода «зеркалом», не нейтральным, но оказывающим на человека формирующее воздействие. «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям», — гласит известная социологическая теорема, сформулированная некогда американским социологом У. Томасом. В полном соответствии с этим социологическая наука создает образы и концепты, влияющие на наши представления о том, какова реальность ситуаций, в которых мы уже находимся или можем оказаться в будущем.

Тенденции усиления роли социологического знания, его распространения и проникновения в различные слои населения возлагают на представителей нашей науки еще одну функцию —

функцию социальных критиков, свободных в своих научных суждениях и объективных в своих диагнозах.

Анализ истории становления и развития отечественной социологической науки показывает, через какую острую борьбу и конфликты она пробивала себе дорогу в жизнь, завоевывала научный авторитет и влияние в системе управления государством и обществом. Без преувеличения можно сказать: вряд ли какая-нибудь другая из отраслей общественного знания испытала на себе подобные «хождения по мукам», особенно в послевоенный период, когда решались задачи возрождения и утверждения лучших достижений и традиций национальной социологии, ее институционализации в качестве самостоятельной научной дисциплины.

Очередной виток в развитии отечественной социологии связывается с периодом перестройки и приходится на середину — конец 1980-х годов. Возрождающаяся на новом этапе развития общества социология не была однородной: выступая в различных формах, она была призвана реализовывать, в числе прочих, три главные социальные функции:

функцию апологетики перестройки, а затем и принятого властными структурами курса реформирования страны;

функцию науки, преследующей коммерческие цели;

функцию науки, исследующей воздействие социально-экономических и социально-политических трансформаций общественного уклада на человека, его физическое, духовное, социальное развитие и социально-экономическое положение.

Оценивая происходившее в те годы, приходится констатировать, что апологетическая роль социологии властными структурами поддерживалась и одобрялась, а научно обоснованная критика курса проводимых реформ не принималась или просто отбрасывалась. При этом забывалось, что социология как таковая не может быть ни апологетической, ни оппозиционной: она призвана давать реальную, научно обоснованную картину существующей действительности, которая является результатом действия вполне определенных властных структур, ответственных перед народом за социальные и экономические последствия своих действий.

Думается, что отчасти подобное отношение к социологии определялось (а во многом определяется и сегодня) практиками обращения с ней в советское время, когда власти проводили политику удержания социологического сообщества в неких предустановленных рамках. Как только социолог попадал в категорию «неуправляемых», его исследования табуировались, а сам он

становился персоной, подлежащей внимательному наблюдению и контролю со стороны властей.

Вместе с тем, нельзя не признать, что более осторожная тактика «управляемых» исследователей приводила в ряде случаев к результатам социально-практического свойства. Господствовавшая в СССР командно-административная система имела то преимущество, что ученый-социолог мог выступать прямым инициатором организованного социального действия. Рекомендации социологов партийному руководству находили отражение в области социальной политики движения рабочей силы (исследования текучести рабочих кадров), в государственных новациях относительно высшего образования (отмена ценза для не имеющих производственного стажа), градостроительного планирования и решения целого ряда других социальных проблем.

Будучи наукой об обществе, социология несет на себе печать окружающей социальной среды. Последние годы ознаменовались возникновением новых (к сожалению, далеко не всегда позитивных) тенденций во взаимоотношениях социологии и российского общества. При этом многие исследователи отмечают, что тенденции эти весьма противоречивы. На каждое, казалось бы, позитивное продвижение вперед приходится несколько шагов назад: приобретения в одном направлении оборачиваются ощутимыми потерями в других.

Скорее всего, мы имеем дело с неким новым состоянием нашей науки, сочетающим в себе разные (зачастую противоположные) характеристики. Причину этого состояния, как правило, ищут в тенденциях трансформации современного российского социума со всеми присущими ему и отчасти подмеченными нами выше специфическими свойствами и характеристиками. Чаще всего это выражается универсальной формулой: «Какое общество, такая и социология».

Бесспорная актуальность социологической проблематики нередко порождает сегодня своеобразное потребительское и достаточно упрощенное отношение к нашей науке. Подчас полагают, что для получения заметного результата социологу достаточно лишь прагматично использовать известные методики, «автоматически» приносящие успех любым его начинаниям. Это глубокое заблуждение, ведущее к дискредитации социологии как таковой.

Если в прежние перестроечные и постперестроечные годы значимость социологического знания как такового не ставилась под сомнение, и речь шла лишь о том, как лучше его осваивать

и развивать, то сейчас мы нередко сталкиваемся с нигилизмом по отношению к социологии в целом. Так, лейтмотивом выступлений ряда политических деятелей и журналистов, не представляющих себе специфики последней, становится идея о том, что отечественная социология оказалась неэффективной, не применимой к российским реалиям, требующим особых подходов и методов анализа, наукой. Фактически же подразумевается, что она не смогла стать научным компасом реформирования России, а посему несет непосредственную ответственность за кризисное состояние российского общества.

С одной стороны, нигилизм по отношению к перспективам дальнейшего развития научной социологии в России чаще всего демонстрируют именно те, кто не использует полноценных социологических данных ни в политической, ни в государственной сфере, ни в сфере бизнеса, предпочитая оформлять свои решения социологическим декором, «цифирно» украшать свои доклады, стремясь создать видимость модной научности при отсутствии внутренней системности в анализе социальной реальности.

С другой стороны, нельзя отрицать и того, что научная социология оказалась «избыточной» для целей реформирования общества, с очевидностью предпочитающего опираться на «простые решения», чаще всего продиктованные прагматической целесообразностью текущего момента, а не сложным анализом многофакторных «ситуаций» в их перспективном развитии. Создается впечатление, что серьезная социология с ее «чрезмерной» сложностью и явной критичностью по отношению к властным и корпоративным решениям становится лишней на «празднике жизни», где господствуют иные мотивы и персонажи.

Вопреки социальной аксиоме — *апелляция власти к социологии должна быть обязательной в тех случаях, когда речь идет о принятии законов общего действия, затрагивающих интересы общества в целом, всех представленных в нем социальных групп и слоев* — в современной России сформировались и действуют особые механизмы принятия стратегических социальных решений. К числу базовых характеристик последних относятся: *закрытость и безответственность, отсутствие обратной связи с населением и полное игнорирование социологических исследований*, опубликованных в научных социологических изданиях, *фаворитизм* (крайне узок круг лиц, допущенных к обсуждению решений, затрагивающих жизненно важные стороны жизни страны, таких, к примеру, как пенсионная реформа, реформа ЖКХ, пресловутая «автограждан-

ка», отмена льгот и замена их денежными выплатами, реформы в образовании и т.п.).

Такая модель принятия решений не приемлет серьезной профессиональной социологии. А ведь по логике вещей социологический анализ должен стать неотъемлемой частью любых государственных и бизнес-программ. При этом сами социологи, своего рода «врачи», диагносты общества, должны быть первыми, кого приглашают в круг лиц, влияющих на принятие ответственных решений.

В развитых демократических странах мира с укрепившимися институтами гражданского общества любые действия властей подвергаются реальному и тщательному социальному контролю. Так, в Норвегии правительство, совместно с профсоюзами, проводит ежегодный массовый опрос, цель которого состоит в анализе динамики уровня жизни населения страны. При этом специально обученные интервьюеры посещают семьи и задают вопросы, не только затрагивающие чисто бытовые аспекты их бытия, но и направленные на оценку эффективности деятельности различных органов власти. Тем самым, выявляются потенциальные очаги социальной напряженности и принимаются меры для их устранения.

К сожалению, в современной России ничего подобного не происходит: здесь сложилась иная система взаимоотношений власти и общества. Большинство социологов либо «заперто» в университетах, где им уготована роль интеллектуальных репетиторов подрастающего поколения и проводников «общего» образования на все случаи жизни, либо подвизается в качестве технических экспертов в маркетинге и рекламе. Seriously подточило авторитет российской социологии и широкомасштабное участие социологов в избирательных кампаниях самого различного уровня, в ходе которых они нередко принимали участие в так называемом черном PR и теневых избирательных технологиях.

Думается, однако, что проблемы российской социологии не так просты, как может показаться на первый взгляд. Их корни кроются в *низком уровне отечественной социологической культуры*, «взращиваемой» годами путем комплексной просветительской и исследовательской деятельности и подразумевающей определенное дистанцирование институтов гражданского общества от структур власти.

Симптомами этого недуга можно считать следующие черты профессиональной деятельности отечественных социологов, все отчетливее проявляющие себя в последнее время:

— *социологический сервиллизм*: в сложившейся системе взаимодействия с властными структурами социологи исполняют гувернерские, обслуживающие функции. Данная схема взаимодействия сводится к следующему правилу: если социолог приносит во властные структуры социологические оценки или суждения, не соответствующие оценкам этих структур, он вынужден выслушивать упреки в бессмысленности своих изысканий. Таким образом, его задача сводится не к построению моделей, способствующих пониманию социальной реальности, а к предугадыванию ожидания властных структур;

— *доминирование в социологической науке тем, связанных с оправданием сложившегося в России социального уклада*. За редким исключением вне поля зрения отечественной социологической науки остаются темы, касающиеся повседневной жизни и трудовой деятельности широчайших масс населения страны; вопросы, связанные с изучением природы социального неравенства, истории и последствий приватизации в России; исследования в области причин региональных различий, криминализации общества, отчуждения человека, произвола правящих элит бюрократии и народившейся российской буржуазии, аномии и утраты обществом качеств пассионарности.

Известно, что, обеспечивая порядок (т.е. соответствие поведения субъектов целесообразным нормам и ценностям), власть выступает как функция и необходимый элемент жизнедеятельности любой социальной системы. Элемент, эффективность которого повышается в том случае, если деятельность людей, наделенных властью, имеет в своей основе конструктивную, научно обоснованную программу управления общественными процессами и соответствующие ей методы.

Отсутствие научно разработанных теоретических основ и конструктивной программы реформирования российского общества привели, в конечном счете, к небывалому по своим масштабам размаху процессов социального мифотворчества. Вместо эффективного управления процессом реформ, учета их социальных последствий властные структуры постоянно внедряют в массовое сознание пропагандистские лозунги или мифы. По существу, речь идет о примитивной манипуляции общественным сознанием, осуществляемой посредством подконтрольных властям СМИ. К разряду такого рода социальных мифов относятся, например:

— *миф о необходимости регулирования российской экономики исключительно монетарными методами*. Апологеты рыночной,

или, скорее, квазирыночной модели отечественной экономики утверждают, что фактический провал радикальных преобразований обусловлен лишь интервенционистской и популистской политикой государства, имевшей место в России с 1994 г. Утверждение о том, что «расходы» должны соответствовать «доходам», «опускает» следующее: нормально функционирующая экономика располагает достаточным количеством способов и средств увеличения доходных статей бюджета настолько, чтобы их «хватало», по крайней мере, на нормальное функционирование социальной сферы. Высокие социальные расходы и «наполнение» бюджета – проблемы разного порядка;

– *миф о реформе коммунального хозяйства*. Согласно тезисам, проводимым органами власти, так называемая коммунальная реформа существенно улучшит состояние жилищно-коммунальной сферы, повысит качество коммунального обслуживания населения. Для этого «всего лишь» необходимо, чтобы граждане полностью оплачивали все расходы по содержанию своего жилья. Известно, что содержание жилищного фонда страны дотировалось государством: таким путем коммунальное хозяйство получало средства, необходимые для нормального функционирования. Но почему-то оно все равно пришло в упадок. Следовательно, даже если население будет оплачивать коммунальные услуги самостоятельно, никаких гарантий улучшения коммунального обслуживания нет. Кроме того, за скобки – намеренно или нет – выносятся обсуждение того, каким образом будет рассчитываться полная (необходимая) стоимость коммунальных услуг, за что конкретно будут платить граждане страны и т.п.

Социальная мифология тесно сливается с авторитарным мышлением, которое, к сожалению, нередко становится имманентной чертой политического сознания индивидов или социальных групп, так или иначе включенных во властные структуры. Это превращает страну и ее народ в объект безответственных и некомпетентных социальных экспериментов, чреватых к тому же самыми серьезными и, увы, негативными последствиями.

Процесс социального мифотворчества имеет еще один негативный исход: он «разоружает» людей, порождает у них новые иллюзии, приводит к идейной и нравственной деградации. Как следствие вместо повышенной социальной активности, столь необходимой в период крупномасштабных социальных преобразований, они начинают проявлять пассивность, равнодушие

и апатию, становятся объектами дальнейших психологических манипуляций и новых социальных экспериментов.

К сожалению, нечто подобное мы наблюдаем сегодня в России с характерным для нее невысоким уровнем гражданского участия. Последнее понимается как идея включения управляемых в управление общественными, а также, насколько это возможно, государственными делами, вовлечения граждан в обсуждение и разработку политических, социально-экономических, культурных программ и проектов, их влияния на принятие решений и контроль за их исполнением.

Известно, что отправной точкой развития гражданского участия выступает соответствующая ценностная база, предполагающая наличие в структуре жизненных ценностей определенных установок: активная жизненная позиция, высокий уровень социальной ответственности, равнодушие к тому, что происходит в обществе, готовность к активному взаимодействию, коллективному решению общих проблем. Оценки жизненных установок россиян в отношении развития в России практик гражданского участия свидетельствуют о том, что «дальность» их невелика, а массовые умонастроения скорее располагают к уклонению от такого рода участия, нежели говорят в его пользу. Невысокий уровень гражданского участия предопределяется в нашей стране целым рядом факторов, включая распространенную среди россиян уверенность в том, что гражданские инициативы не способны повлиять на существующее положение вещей, имеют малый диапазон действия и могут, в лучшем случае, изменить ситуацию на низовом уровне. В обществе сформирован выраженный стереотип, согласно которому все изменения должны проводиться «сверху», тогда как само общество в этом отношении бессильно.

Для того чтобы российское общество стало действительно гражданским, а государство — правовым, необходимы совместные усилия не одного поколения населения страны. Не последнюю роль в этом процессе могут сыграть социологи, задача которых, согласно П. Бурдьё, «состоит в том, чтобы денатурализовать и избавиться от фатальности социальный мир, то есть уничтожить мифы, в которые облечена власть и которые увековечивают ее господство».

При этом социология не может быть «знанием экспертов, предназначенным для экспертов»: ее открытия и достижения должны быть доступны обществу. И обеспечить эту «доступность» призваны именно социологи, обладающие искусством «социологического мышления», способствующим, по меткому выражению

3. Баумана, «увеличению объема и практической эффективности нашей с вами свободы».

Социолог, наделенный социологическим мышлением, способен критично оценивать реальные действия властей. «Вставая» между социумом и властью, он доводит до сознания общества то, что предпринимает власть, помогая последней в организации социальной экспертизы как законодательных актов, так и предпринимаемых ею практических действий.

Отсюда еще одна социальная аксиома: социология должна уметь работать с властью, не ошарашивая ее на каждом шагу своими оценками и выводами, но последовательно и доказательно убеждая в полезности для власти социологического участия в делах государственных. Однако и власть, со своей стороны, должна относиться к социологии уважительно и терпимо.

Опыт прошедших лет убеждает нас в том, что социология является одним из языков власти, а потому неотделима от политического процесса. Случалось так, что она выступала служанкой власти. Но никогда не было и не будет, чтобы власть становилась служанкой социологии. Отсюда следует выверенный практикой вывод: отношения между социологией и властью должны строиться на принципах партнерства и толерантности.

Что это означает? Это означает следующее: социология помогает власти осуществлять властные функции, повышать культуру и эффективность государственного управления. Власть же, в свою очередь, через различные формы государственной поддержки, обеспечивает социологам свободу научного творчества, использует результаты социологической деятельности для более адекватного выражения в своей политике общенациональных интересов, исходит из них при выборе стратегии развития страны.

Выстраивание оптимальных отношений социологии с властью предполагает регулярный диалог нашей науки с обществом. И здесь хотелось бы привести такую формулу: «От заинтересованных и деловых отношений с властью к свободному и откровенному диалогу с обществом». Обеспечение такого диалога возможно лишь путем превращения социологии в как можно более открытую и публичную науку, не «приземляющую» уровень понимания социальных проблем, но разговаривающую с обществом на понятном для него языке.

Результаты проводимых нами исследований со всей очевидностью говорят о том, что граждане современной России далеко не всегда доверяют политическим декларациям. Социологам сегодня веры больше, хотя бы потому, что они оперируют цифрами, взя-

тыми из реальной жизни, а не лозунгами, домыслами и несбыточными обещаниями. Профессиональная публичная социология называет вещи своими именами и имеет полное право именоваться «социологией реальностей». А потому она и становится тем зеркалом, в которое общество привыкает смотреться каждый день, то радуясь своему отражению, то удручаясь им. Надо признать, что из новых повседневных привычек эта — далеко не самая худшая. Более того, именно она формирует столь необходимую, как отмечалось выше, культуру социологического, а именно, конкретно восприимчивого аналитического мышления общества.

В целом же, современная отечественная социология нуждается в регулярном и качественном пиаре в самом лучшем смысле слова. Необходимость последнего активно обсуждается сегодня представителями научного социологического сообщества. При этом одни заявляют: «Мы ученые-теоретики, занимающиеся фундаментальной наукой, и не наше дело представлять обществу результаты своей научной деятельности в популярных и понятных для него формах». Другие же (и я с ними согласен) отвечают на это так: «Современная наука, в особенности социальная, реализует не только научную, но и очень важную общественную, гражданскую функцию, функцию просвещенческую, осуществление которой помогает обществу лучше и полнее понимать самое себя и на основе этого понимания себя совершенствоваться». В данном контексте я разделяю мнение тех, кто утверждает: «Если вас нет на телевидении, на радиостанциях, на страницах журналов и газет, в Интернете, то вас нет вообще!». Являясь наукой об обществе, социология в своем качественном публичном выражении становится сегодня наукой для общества.

Аннотация

Рассматривается логика диалога социологии с обществом и властью как предмет социологии. Выстраивается методология диалога. Даются основные понятия. Анализируются факторы, способствующие и препятствующие разворачиванию такого диалога.

Ключевые слова:

социология, общество, общественное мнение, власть, диалог.

Summary: The author considers the logic of the dialogue of sociology, society and power as a sociological object, creates dialogue methodology, gives the key terms, analyses the factors both promoting and preventing the dialogue.

Keywords:

sociology, society, public opinion, power, dialogue.